

ВЕКТОРЫ И ТРАЕКТОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 316.1

Эпистемическая рефлексивность в социологии¹

В. И. Дудина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Дудина В.И. Эпистемическая рефлексивность в социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 146–159. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.201>

В статье рассматривается эпистемическая рефлексивность как специфическая интеллектуальная тенденция и требование методологии научного познания в социальных науках. Возникновение эпистемической рефлексивности как требования исследовательской методологии связывается с отказом от классической концепции науки с ее жестким противопоставлением субъекта и объекта познания. Выделяются три стадии развития представлений о рефлексивности в научном познании: дорефлексивная, рефлексивная и «рефлексивное онаучивание». Рассматривается специфика эпистемической рефлексивности в социологическом познании и такие наиболее распространенные формы рефлексивности, реализуемые в исследовательском процессе, как автобиографическая рефлексивность, герменевтический нарциссизм и отрицание авторства. Обосновывается необходимость рефлексивности, которая не сводится к индивидуальной рефлексии, а апеллирует к особенностям социального познания в целом. Рассматриваются разновидности социологической рефлексивности, превосходящие индивидуальную рефлексию: объективация объективирующего субъекта П. Бурдьё; «рефлексивность точки зрения»; «феноменологическая рефлексивность»; рефлексивная социология А. Гулднера; радикальная рефлексивность. Делается вывод о принципиальном отличии радикальной рефлексивности как инструмента, который в условиях «рефлексивного онаучивания» позволяет выявлять перформативную функцию социального познания.

Ключевые слова: эпистемическая рефлексивность, рефлексия, рефлексивная социология, рефлексивное онаучивание, объективация объективирующего субъекта, радикальная рефлексивность.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00726 А.

Введение

Осуществляя каталогизацию достижений социальных наук, Г. Терборн высказал мысль, что способность к саморефлексии стала важнейшим достижением социологии и антропологии XX в. по сравнению с другими социальными науками и, более того, может рассматриваться как основное условие развития социологии в XXI в., поскольку осмысление опыта развития социологии необходимо для понимания текущего состояния дисциплины [1, р. 38]. Действительно, способность к рефлексии, или рефлексивность, выражена в социологии, пожалуй, больше, чем в других дисциплинах. Можно сказать, что интерес к собственным основаниям и предпосылкам сопровождает социологию с самого ее возникновения. Так, например, Г. Юдин пишет: «Первые попытки рефлексивного анализа социологического познания появляются практически одновременно с институционализацией социологии как академической дисциплины. В ходе кристаллизации предмета и функций социологического знания возникает потребность в осмыслении того, каким образом новая дисциплина связана со своим собственным предметом» [2, с. 98]. Другие авторы придерживаются мнения, что рефлексивный анализ характеризует социологию начиная со второй половины XX в. Например, по мнению Ю. Давыдова, рефлексивность связана с растущим пониманием того факта, что «понятия науки оказываются зависимыми от самого общества или отдельных этапов его исторического развития» [3, с. 23].

Социологическая рефлексия — это рассуждение о допущениях, лежащих в основании социологического познания, которое предполагает переход от описания внешней социальной реальности к описанию самого социологического знания и аналитических инструментов социологии. Суть рефлексии состоит в том, что внимание исследователя направляется на связь теоретических и методических аспектов исследовательской деятельности, на ограничения получаемых результатов и обусловленность знания как со стороны исследовательских методов, так и со стороны социального контекста. Процесс рефлексии заключается в постоянном мониторинге и анализе исследователем собственных теоретических и методологических допущений, предполагает рассуждение о том, как способы познания влияют на получаемые результаты. Эпистемическая рефлексивность как способность осуществлять рефлексия имеет место, когда вопросы о статусе знания ставятся не со стороны философии науки, социальной эпистемологии или социологии знания, но из перспективы самой дисциплины. В настоящее время эпистемическая рефлексивность как специфическая интеллектуальная тенденция присутствует в самых разных дисциплинарных областях: в психологии [4], медицине [5], педагогике [6], исследованиях международных отношений [7] и др. Чем больше исследователи склонны рассуждать об основаниях и допущениях собственной деятельности, тем более рефлексивной является дисциплина.

Про необходимость рефлексивного отношения к объекту исследования, к применяемым методам и теориям говорится во многих социологических текстах. В той или иной форме эпистемическая рефлексивность присутствует в трудах социологов, разрабатывающих собственные теории, выстраивающих интегральные теоретические системы или реконструирующие существующее состояние социологического знания. В самом общем плане рефлексивность в социологии подразумевает

размышления о том, почему тот или иной объект заинтересовал социолога и почему исследователь выбрал те или иные теории и методы. В то же время в разных социологических традициях под рефлексивностью понимаются разные познавательные операции, и прояснение этих различий может способствовать как более строгому употреблению данного понятия, так и совершенствованию методологии социологических исследований, провозглашающих рефлексивность своей неотъемлемой частью. В данной статье мы попытаемся ответить на вопросы: что представляет собой эпистемическая рефлексивность в социологии; с чем связано ее возникновение и распространение в социологической методологии; какие формы и виды эпистемической рефлексивности можно выделить в современной социологии.

Эпистемическая рефлексивность в исследовательской методологии

Возникновение эпистемической рефлексивности как требования к исследовательской методологии можно связать с отказом от классической концепции науки с ее жестким противопоставлением субъекта и объекта познания. Когда позитивистское разделение субъекта и объекта познания перестает рассматриваться как удовлетворительное решение проблемы получения объективного знания, место трансцендентального познающего субъекта занимает контекстуально определенный субъект, что переворачивает представления о научной рациональности. В рассуждение о познании вводится перспектива наблюдателя, а взаимодействие между наблюдателем и наблюдаемой системой становится объектом особого интереса. Например, кибернетика второго порядка, определяемая как «кибернетика наблюдающих систем» [8] или как «теория взаимодействия между идеями и обществом» [9], вводит в обсуждение научного знания идею зависимости наблюдений от наблюдателя и такой параметр, как фигура наблюдателя. Кибернетические идеи, в свою очередь, оказывают влияние на социологические теории. Н. Луман, развивая идеи кибернетики второго порядка [10], вводит в социологию понятие самореферентной системы [11].

В контексте идей о «рефлексивной модернизации» [12] рефлексивность начинает рассматриваться не только как особенность познания, но как одна из характеристик самого общества. У. Бек пишет о «рефлексивном онаучивании», которое имеет место, когда науки «сталкиваются уже с собственными продуктами, изъянами и проблемами» [13, с. 236]. Подобного рода рефлексивность как обращение науки на саму себя выражается в критике и самокритике науки и экспертной практики и делает нестабильными основания познания. Э. Гидденс не сводит рефлексивность только лишь к характеристике взаимодействия науки и общества, но, трактуя рефлексивность как черту повседневного социального взаимодействия, вводит понятия «рефлексивный мониторинг» и «двойная герменевтика». С. Лэш рассматривает рефлексивность современной социологии как замену понятия «рациональность» классической социологии [14, р. 140]: чтобы обосновать знание в условиях множественной рациональности, необходимо иметь четкое представление о допущениях, лежащих в основе того или иного результата, соответственно формой обоснования становится рефлексивность.

Несколько упрощая картину, можно выделить три стадии развития представлений о рефлексивности в научном познании. На первой стадии наука и общество

рассматриваются как независимые друг от друга. В такой наивно-естественной установке рефлексивность ограничена рассуждениями о корректности применения научных методов. Вторая стадия состоит в понимании зависимости знания от позиции познающего субъекта, соответственно, рефлексия обусловленности научных результатов особенностями познания становится условием достижения объективного знания. Ключевой вопрос здесь состоит в том, какая позиция гарантирует научную объективность. И, наконец, третья стадия — «рефлексивное онаучивание», когда возникает понимание зависимости реальности от познавательных результатов и осознание того факта, что современное общество в значительной мере таково, каким его сделала наука. «По мере того, как наука (и, в том числе, социальная наука) утверждалась в качестве самостоятельного предмета социологического исследования, возникла необходимость перепозиционировать отношение социологии к историческому процессу так, чтобы вновь отразить двойственность этого отношения — но теперь уже на новом уровне. Социальную науку по-прежнему требуется представить как значимый компонент этого процесса и, в то же время, как наблюдающую этот процесс инстанцию. Однако теперь требуется учесть то, что не было и не могло быть проблематичным на ранних этапах институционализации социологии — роль социологии и социального ученого в свершении общественных структур» [2, с. 99]. Рефлексивность этого вида имеет дело с перформативностью научного знания и с вопросами о том, как само научное знание формирует социальный контекст; возникает необходимость рефлексии о том, что это за наука, т. е. встает проблема «онтологической политики» [15, с. 137].

Множественность определений рефлексивности

В последней четверти XX в. рефлексивность начинает рассматриваться как одно из обязательных требований научного познания. Такая популярность термина обусловила появление множества определений рефлексивности. Линч, рассматривая многообразие использования понятия «рефлексивность», выделяет шесть видов рефлексивности: *механистическая рефлексивность*, описываемая в кибернетике как вид рекурсивного процесса, включающего фидбек; *субстантивная рефлексивность*, которая трактуется как реальный феномен социального мира (от концепций рефлексивной модернизации Бека Гидденса и Лэша до конструктивизма Бергера и Лукмана); *методологическая рефлексивность*, которая предполагает самокритичный анализ собственных убеждений и предположений, а в качественной социологии становится канонической особенностью включенного наблюдения; *метатеоретическая рефлексивность* как критическое отстранение, попытка социолога подняться над социальной реальностью, «сделать шаг назад», найти позицию, гарантирующую объективный взгляд на реальность; *интерпретативная рефлексивность*, которая выражается в герменевтической рефлексивности и радикальной рефлексивности; *этнометодологическая рефлексивность*, которая не проводит разграничения между нереплексивными и рефлексивными действиями, подразумевая тотальную рефлексивность, которая вездесуща и потому незаметна [16].

За разнообразием видов рефлексивности стоит общее требование, состоящее в том, что исследователь должен позиционировать себя по отношению к своему

объекту таким образом, чтобы полученное знание можно было оценить с точки зрения тех допущений, ограничений и влияний, которые направляли работу исследователя и обусловили получение определенного результата. С этой точки зрения эпистемическая рефлексивность может быть определена как систематическая деятельность по конструированию исследовательской позиции, внешней к своему собственному мышлению, позволяющая объективировать мышление исследователя и познавательные инструменты дисциплины. В более узком смысле рефлексивность предполагает способность исследователя принимать во внимание то, как он сам может влиять на получаемый результат и, следовательно, какой результат может рассматриваться в качестве знания. В качественном исследовании рефлексивность подразумевает способность исследователя учитывать как свои собственные личностные характеристики, так и культурные, исторические, языковые, социальные и прочие факторы, которые могут влиять на исследование [17].

Каким образом требование методологической рефлексивности обычно реализуется в исследовательской практике? К. Матон выделяет три наиболее распространенных формы рефлексивности, как она осуществляется в исследовательском процессе: *автобиографическая рефлексивность*, предполагающая, что аудитории следует знать, «откуда явился исследователь», как его личная история связана с объектом исследования, методологией, методами, данными; *герменевтический нарциссизм* — когда исследователь настолько увлекается рефлексивностью, что становится неспособен сказать что-либо о самом объекте; *отрицание авторства* — когда исследователь пытается занять позицию нейтрального регистратора фактов и предоставляет возможность исследуемым говорить самим за себя [18, р. 54]. Все эти формы рефлексивности разделяют ряд общих допущений: аргумент о различии наблюдаемого и наблюдателя, обусловленность фактов позицией наблюдателя и культурой и тезис о символическом насилии, совершаемом объективирующим взглядом наблюдателя. Подобные формы рефлексивности, начиная с признания ценности объективации, заканчивают ее отрицанием, поскольку не позволяют выйти за пределы индивидуальной ситуации исследователя и представляют собой редукцию рефлексивности к индивидуальной рефлексии, которая не снижает субъективность, а увеличивает ее. Рефлексивность в форме индивидуальной рефлексии представляет собой стратегию максимизации символического капитала в интеллектуальном поле при минимальных затратах. Такие формы рефлексивности подчеркивают индивидуальный статус (особенно когда апеллируют к «нерефлексивности» работ предшественников или коллег), без анализа социальной позиции или структуры поля [18, р. 56].

Однако эпистемическая рефлексивность не сводится к индивидуальной рефлексии. В социологии понятие эпистемической рефлексивности получило особую популярность благодаря Пьеру Бурдьё [19–22] с его программой «объективации объективирующего субъекта». П. Бурдьё постоянно подчеркивал, что его концепция эпистемической рефлексивности представляет собой не только средство улучшения описаний социального мира, но и основу для разработки более «адекватной и эпистемологически безопасной социальной науки» [18, р. 53]. По мысли Бурдьё, «поле социальных наук должно задаться проектом, где предметом исследования будет оно само. Борьба за познание немыслимого поля социальных наук должна стать составной частью этого поля» [22, с. 19]. Ведущая роль в данной работе отво-

дится именно социологии, которая должна «во избежание социального детерминизма поставлять социальным наукам инструменты рефлексии» [22, с. 27]. В интерпретации Бурдье, рефлексивность предполагает внимание не только к социальной позиции исследователя, но и к структуре поля, и направлена на выявление *социальной обусловленности субъективного отношения* исследователя к объекту: «...не следует выбирать между включенным наблюдением, этим неизбежно фиктивным погружением в чужую среду, и объективизмом “отстраненного взгляда” наблюдателя, который столь же далек от себя самого, как и от своего объекта. Включенная объективация ставит перед собой задачу исследовать не “переживание” познающего субъекта, но *социальные условия возможности этого переживания* (а значит, его следствия и пределы), или точнее — акта объективации. Она нацелена на объективацию субъективного отношения к объекту, которая вовсе не ведет к релятивистскому субъективизму, в той или иной степени антинаучному, но является одним из условий научной объективности» [21, с. 23]. Проект эпистемической рефлексивности Бурдье основан на требовании разрыва с обыденным мышлением (доксой), в котором кроется основная опасность для социологического познания, и предполагает выявление неявных социальных детерминант, обуславливающих исследовательское мышление.

Эпистемическая рефлексивность «дает возможность обрести точку зрения на собственную точку зрения и, следовательно, на ту совокупность точек зрения, по отношению к которым она определяет себя как точка зрения» [21, с. 25]. Особенностью подхода Бурдье является трактовка эпистемической рефлексивности как проекта, задача которого состоит в том, чтобы выявить не предубеждения отдельного исследователя, а коллективное бессознательное, встроенное в интеллектуальные практики посредством объективирующих влияний поля. «Научная рефлексивность противостоит как нарциссической рефлексивности постмодернистской антропологии, так и эгологической рефлексивности феноменологии, поскольку направлена на то, чтобы усилить научность, обратив самые объективистские инструменты социальной науки не только на личность исследователя, но и, что более существенно, на само антропологическое поле, на схоластические диспозиции и ошибки, к которым оно располагает и поощряет своих участников» [21, с. 21]. Подобная объективация, по мысли Бурдье, должна стать коллективным проектом поля социальных наук, предполагающим *включение теории интеллектуальной практики как интегрального компонента и необходимого условия критической теории общества*. Поскольку объект и субъект рефлексивности коллективны (интеллектуальное поле в целом), то только коллективный рефлексивный анализ может обеспечить прочную эпистемологическую основу для социального научного знания. По мысли Бурдье, преодоление релятивизма и достижение объективного социологического знания возможно при условии, что социальные науки смогут подвергнуть историзации самих себя и осознать собственные предпосылки [22, с. 22]. Проект эпистемической рефлексивности Бурдье предполагает рефлексии обусловленности знания не только индивидуальной позицией исследователя, но и самой структурой поля производства знания. Бурдье выделяет следующие источники такой обусловленности: социальное происхождение исследователя; позиция исследователя в поле интеллектуального производства; «интеллектуалистское смещение» — отношение к миру как к спектаклю.

Поскольку рефлексивность Бурдье не сводится к индивидуальной рефлексии и апеллирует не только к характеристикам исследовательской позиции, а к особенностям социального познания в целом, то ее можно охарактеризовать как *метатеоретическую рефлексивность*. Такого рода рефлексивность представляет собой не стихийный процесс обращения сознания исследователя на само себя, но отдельную научную практику, требующую соответствующих правил и инструментов. Наряду с концепцией объективации объективирующего субъекта Бурдье, можно выделить еще несколько концепций, которые могут быть рассмотрены как вариации метатеоретической рефлексивности: рефлексивность точки зрения, феноменологическая рефлексивность, рефлексивная социология А. Гоулднера, радикальная рефлексивность. Кратко охарактеризуем эти разновидности метатеоретической рефлексивности.

Рефлексивность точки зрения занята поиском ответа на вопрос — какая позиция в социальном пространстве гарантирует объективное знание? Классический марксизм в качестве такой точки зрения предлагал точку зрения пролетариата, Маннгейм апеллировал к позиции «свободно парящей интеллигенции» (*unattached intellectual*), Зиммель писал о позиции чужака как источнике озарений относительно того, что представляется само собой разумеющимся [16, р. 30]. Один из вариантов рефлексивности точки зрения предложила критическая социология Франкфуртской школы, сделав акцент на идеологической обусловленности познания. Создатели критической теории (Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ю. Хабермас), признавая невозможность ценностно-нейтрального познания, акцентировали рефлексию обусловленности теории социальным контекстом и социальной практикой. «Общество, познанием которого в конечном счете занята социология, когда она нечто большее, чем просто техника, кристаллизуется вообще только вокруг концепции правильного, справедливого общества. Но последняя не есть какой-то постоянный абстракт, некая предвзятая ценность, применимая для контраста с наличным; эта концепция вырастает из критики, а тем самым из осознания обществом его противоречий в их необходимости» [23]. Для франкфуртцев критика познания неотделима от критики общества. Особенностью критической теории была оценка существующего социального порядка как пронизанного духом капиталистического отчуждения, и именно осознание характера существующего социального порядка виделось в качестве условия достижения объективного знания. У основателей критической теории отрицание существующих капиталистических структур и капиталистического отчуждения в пользу идеалов эмансипации должно было способствовать продвижению к объективному знанию. В современных версиях критической теории фокус смещается на гендерно, расово, этнически и культурно обусловленные точки зрения, которые создают условия рефлексивной критики доминирующих дискурсов.

Проект **рефлексивной социологии А. Гоулднера** основан на особом внимании к базовым предпосылкам социологического знания, которые обуславливают принятие тех или иных теорий. То, что мы воспринимаем как эксплицитное знание, имеет в своей основе совокупность неявных допущений о характере реальности, принимаемых без доказательств. Например, фоновым допущением теории Парсонса является философия утилитаризма, и именно в соответствии с утилитаризмом критерием истинности становится практическая применимость. Гоулднер делает

вывод, что структурный функционализм представляет собой определенную форму идеологии, призванную оправдывать существующий социальный порядок с точки зрения его функциональности [24]. Рефлексивная социология Гоулднера предполагает, что социологи должны не только исследовать социальную действительность, но постоянно отслеживать состояние собственных ценностных установок, которые влияют на их восприятие этой действительности. Включенность социолога в мир становится не препятствием, а инструментом познания при условии рефлексии особенностей этой включенности и постоянного рефлексивного контроля над теоретико-методологическими установками исследователя с точки зрения их ценностного и идеологического наполнения.

Интерпретативная рефлексивность делает акцент на различии повседневного и научного знания. Феноменологическая социология в лице А. Шюца попыталась решить проблему ограниченности позиции наблюдателя разделением конструктов первого и второго порядка. К конструктам первого порядка были отнесены повседневные интерпретации социальных деятелей, а к конструктам второго порядка — научные понятия, построенные с учетом конструктов первого порядка. Конструкты первого порядка — понятия обыденного сознания людей, действующих на социальной сцене, обладают подлинной реальностью. Конструкты второго порядка — идеально-типические конструкции, сформулированные исследователем, утрачивают свойство реальности, за ними остается лишь методологическая функция моделирования реального. «Сфера наблюдения обществоведа — социальная реальность — имеет специфическое значение и конкретную структуру для людей, живущих, действующих и думающих в ее пределах. Серией конструкций обыденного сознания они заранее выбирают и интерпретируют этот мир, который они воспринимают как реальность их повседневной жизни. Это и есть те идеальные объекты, которые определяют их поведение, мотивируя его. Идеальные объекты, сконструированные обществоведом для познания этой социальной реальности, должны извлекаться из идеальных объектов, сконструированных обыденным сознанием людей, живущих своей повседневной жизнью в своем социальном мире» [25, с. 490]. Таким образом, научные понятия не отражают, а моделируют реальность таким образом, чтобы сделать ее доступной для изучения. Перспективы деятелей как объектов изучения учитываются и интерпретируются в соответствии с перспективой исследователя, тем самым перспектива исследователя утрачивает *безусловное* превосходство над перспективами исследуемых. Тем не менее при определенных условиях это превосходство сохраняется: поскольку конструкты второго порядка являются более упорядоченными и рациональными, чем конструкты первого порядка, то научное знание претендует на большую рациональность по сравнению с повседневным знанием. Само научное знание как таковое проблематизируется в рамках радикального рефлексивного анализа.

В отличие от теоретических усилий рефлексивно деконструировать существующие способы объективации, чтобы установить альтернативные, более демократичные и, возможно, более сильные, **радикальная рефлексивность** не делает уступок никакой форме привилегированного анализа и ставит под вопрос саму практику объективации, а также представления о прогрессе, знании и профессиональной автономии. Другими словами, радикальная рефлексивность скептически относится к любым представлениям о независимости мира от средств его репре-

зентации [16, p. 33]. Радикальная рефлексивность отталкивается от идеи, что интерпретации составляют квинтэссенцию социального мира, и распространяет ее на мир природы, отказываясь наделять научное знание привилегированным статусом. Тем самым радикальная рефлексивность представляет собой оппозицию социологическому сциентизму: вместо выработки критериев различения научного и ненаучного знания, опирающихся на априорные разграничения, радикальная рефлексивность основывается на идее дискурсивного конструирования понятий «природы», «общества», науки, псевдо-науки и пр. Если стандартная методологическая критика идентифицирует отдельные ошибки и отклонения, то радикальная рефлексивность подчеркивает существование неустранимых проблем, парадоксов и неопределенностей, описывая научную практику как по сути своей неупорядоченную и проблемную, в рамках которой рациональность конструируется и стабилизируется [16, p. 39-40].

Черпая свои ресурсы из сильной программы социологии знания, радикальная рефлексивность применяет их более строго, не исключая из анализа и саму социологию научного знания. Примером радикальной рефлексивности являются работы в области исследований науки и технологий (STS), распространяющие конструктивистский анализ на свои собственные тексты. В 1988 г. выходит сборник «Знание и рефлексивность» под редакцией С. Вулгара [26], посвященный рефлексивности в социологии науки. На примере этой отрасли хорошо видно проникновение рефлексивности в методологию социальных исследований, поскольку рефлексивность — одно из основных требований «сильной программы» социологии знания. Рассматривая эволюцию перспектив социальных исследований науки, Вулгар и Эшмор приходят к выводу, что исследование рефлексивности представляет собой естественное развитие релятивистски-конструктивистской перспективы в социальных исследованиях науки, которое идет дальше общего представления о том, что релятивизм может быть «приложен» к научному знанию [27]. Социальные исследования науки до Куна были по преимуществу реалистскими и по своим представлениям относительно науки, и с методологической точки зрения: они фокусировались на изучении ученых, а не их культурного продукта, игнорируя содержание научного знания. Конструктивистское исследование науки релятивизировало научное знание, при этом сами методы исследования оставались реалистскими: то, каким образом сами исследования в рамках социологии науки конструировали новую метанаучную реальность, не было предметом их рассмотрения. Импульс к рефлексивному социальному исследованию в социологии науки был дан осознанием того факта, что отсутствие согласованности между релятивистским и реалистским полюсами делает социальные исследования науки уязвимыми перед критикой со стороны философии. Восстановление консистентности через отказ от релятивистского полюса не устраивало социологов научного знания, поскольку лишало их предмета. Таким образом, требуемая консистентность была восстановлена через отказ от реалистских методов и обоснование необходимости релятивистских исследований науки [27, p. 8].

В этом же сборнике, в статье «Политика объяснения: альтернатива», Латур определяет рефлексивность следующим образом: «Я использую слово “рефлексивный”, чтобы обозначить любой текст, который учитывает собственное производство и таким образом устранивает вредное воздействие на читателей, состоящее в том,

что тексту верят слишком много или слишком мало» [28, с. 128]. Латур выделяет два варианта научной рефлексивности — метарефлексивность и инфрарефлексивность. Под метарефлексивностью понимается позиция «над» текстом и научным дискурсом, попытка конструирования объяснений текста, своего рода наблюдение за наблюдателем. По мнению Латура, «метарефлексивность контрпродуктивна, поскольку делает тексты менее интересными, богатыми и правдоподобными» [28, с. 133]. Инфрарефлексивность, напротив, не требует привилегий и не стремится создавать метаязык: «Если работа в нашей профессиональной области ведет к созданию специальной, обособленной области научного знания — определенной в таком качестве в учебном плане — это означает, что вся наша работа оказалась по определению нерелексивна. Критерий нашей рефлексивности — способность распространить свою работу по сетям. Это можно достичь в соавторстве с учеными (дабы упразднить металингвистическую позицию наблюдателей, наблюдающих за наблюдателями), а также размытием разницы между изучением науки и производством других наук (показывая, таким образом, как можно на практике бросить вызов гегемонии)» [28, с. 140]. Тем самым рефлексивность рассматривается не как отдельное предприятие, а как совокупность диффузных усилий, составляющих часть повседневных научных практик и позволяющих трансформировать их, а не просто описывать с превосходящей позиции. Иными словами, рефлексивность достигается не за счет унифицированных объяснений и построения больших объяснительных схем, а за счет уникальных, локальных и временных описаний, вплетенных в научную практику.

Выводы

Такие варианты рефлексивности, как объективация объективирующего субъекта Бурдьё, «рефлексивность точки зрения», «интерпретативная рефлексивность», рефлексивная социология Гоулднера, объединяет допущение о существовании определенного промежуточного звена между репрезентацией реальности и самой реальностью. В соответствии с этим допущением знание не является непосредственной репрезентацией реальности, а представляет собой функцию некоей промежуточной инстанции, которая формирует доступ к социальной реальности. В качестве этого промежуточного звена может выступать структура социального поля, позиция исследователя в социальном пространстве, повседневные конструкты или базовые предпосылки. Так, у Бурдьё социологическое знание обусловлено особенностями поля производства знания; «рефлексивность точки зрения» трактует знание как функцию позиции исследователя в социальном пространстве; «феноменологическая рефлексивность» рассматривает научное знание как производное от повседневных конструктов; в рефлексивной социологии А. Гоулднера социологическая теория является выражением базовых предпосылок, которые связаны с определенной идеологией. Суть рефлексивности состоит в объективации этой промежуточной инстанции, что служит некоторой гарантией получения достоверного научного знания. «Радикальная рефлексивность» отличается тем, что отказывается от введения промежуточной инстанции и рассматривает познание не как отображение или репрезентацию независимо существующей реальности, а как привнесение в реальность дополнительного измерения, т. е. скорее, как трансфор-

мацию или «исполнение» реальности. Познавательный результат, таким образом, трактуется не столько как описание реальности, сколько как новая конструкция. Таким образом, радикальная рефлексивность претендует на создание инструмента, который в условиях «рефлексивного онаучивания» позволяет отслеживать последствия тех или иных научных результатов, то есть выявлять перформативную функцию социального познания.

Изменение моделей обоснования знания, вызванное трансформацией представлений о природе познания и признанием социальной обусловленности научного знания, поставило социологию в значительно более трудное положение по сравнению с другими науками. Осознание социальной обусловленности социологического знания ведет к необходимости конструирования позиции, с которой социология может выносить суждения о своем объекте — обществе, часть которого она составляет. Когда отношение социологии к обществу перестает быть непроблематичной данностью, возникает ситуация, в которой социология каждый раз заново должна конструировать позицию противопоставления себя своему объекту. Для социологии основная проблема рефлексивного анализа заключается в необходимости сконструировать внутри социологического поля точку зрения, которая, предлагая определенные аналитические инструменты рефлексивности, позволяла бы выносить суждения не только о позиции отдельного исследователя, но и о позиции социологического знания в целом. Эпистемическая рефлексивность в таком случае может рассматриваться как инструмент, которым должен владеть социолог для решения стоящих перед ним проблем и обоснования получаемых результатов не только через осознанное следование правилам метода, но и через понимание тех ограничений, которые накладывает как его собственная позиция в социальном пространстве, так и особенности социологии как специфической дисциплинарной области. Какой из вариантов эпистемической рефлексивности будет реализован в конкретном исследовании, зависит как от методологических предпочтений исследователя, так и от особенностей исследовательского проекта, но в любом случае подобное решение требует от исследователя понимания особенностей различных видов эпистемической рефлексивности, общий обзор которых и представлен в данной статье.

Литература

1. *Therborn G.* At the birth of second century sociology: times of reflexivity, spaces of identity, and nodes of knowledge // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51, N 1. P. 37–57.
2. Юдин Г. Б. Рефлексивная социология между действительностью и недействительностью // *Социологический журнал*. 2009. № 3. С. 96–117.
3. Давыдов Ю. Н. История теоретической социологии: в 5 т. М.: Наука, 1995. Т. 1: От Платона до Канта. Предыстория социологии и первые программы науки об обществе. 496 с.
4. *Nightingale D., Cromby J.* (eds.) *Social constructionist psychology*. Buckingham: Open University Press, 1999. 236 p.
5. *Kinsella E. A., Whiteford G. E.* Knowledge generation and utilisation in occupational therapy: Towards epistemic reflexivity // *Australian Occupational Therapy Journal*. 2009. Vol. 56 (4). P. 249–258.
6. *Ryan T. G.* *The reflexive classroom manager*. Calgary: Temeron Books, Detselig, 2005. 240 p.
7. *Knafo S.* Bourdieu and the dead end of reflexivity: On the impossible task of locating the subject // *Review of International Studies*. 2016. Vol. 42 (1). P. 25–47.
8. *Foerster H. von.* *Cybernetics of cybernetics* // *Communication and control in society* / ed. K. Krippendorff. New York: Gordon and Breach, 1979. P. 5–8.

9. *Umpleby S. A.* The Science of Cybernetics and the Cybernetics of Science // *Cybernetics and Systems*. 1990. Vol. 21(1). P. 109–121.
10. *Maturana H., Varela F.* The Tree of Knowledge. Boston: New Science Library, 1987. 231 p.
11. *Луман Н.* Общество общества. Самоописание. М.: Логос, Гнозис, 2009. 320 с.
12. *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive modernization. Cambridge: Polity Press, 1994. 234 p.
13. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
14. *Lash S.* Another Modernity. A Different Rationality. Oxford: Backwell Pub, 1999. 400 p.
15. *Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 352 с.
16. *Lynch M.* Against reflexivity as an academic virtue and source of privileged knowledge // *Theory, culture and society*. 2000. Vol. 17 (3). P. 26–54.
17. *Sandelowski M., Barroso J.* Finding the findings in qualitative studies // *Journal of Nursing Scholarship*. 2002. Vol. 34 (3). P. 213–219.
18. *Maton K.* Pierre Bourdieu and the Epistemic Conditions of Social Scientific Knowledge // *Space & Culture*. 2003. Vol. 6 (1). P. 52–65.
19. *Bourdieu P., Wacquant L.* Invitation to reflexive sociology. Cambridge: Polity Press, 1992. 336 p.
20. *Бурдье П.* Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: Антология. Ч. 2 / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 373–429.
21. *Бурдье П.* Включенная объективация // *Социологический журнал*. 2011. № 2. С. 21–38.
22. *Бурдье П.* За рационалистический историзм // *Социо-Логос постмодернизма. S/L'97*. М., 1996. С. 9–29.
23. *Адорно Т.* К логике социальных наук // *Вопросы философии*. 1992. № 10. С. 76–86.
24. *Гюлднер А.* Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. 576 с.
25. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // *Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренкова*. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 481–496.
26. *Woolgar S.* (ed.) Knowledge and reflexivity. London: Sage, 1988. 224 p.
27. *Woolgar S., Ashmore M.* The next step: An introduction to the reflexive project // *Woolgar S.* (ed.) Knowledge and reflexivity. London: Sage, 1988. P. 1–11.
28. *Латур Б.* Политика объяснения: альтернатива // *Социология власти*. 2012. № 8. С. 113–143.
29. *Латур Б.* Почему выдохлась критика. От реалий фактических к реалиям дискуссионным // *Московский художественный журнал*. 2015. № 93. С. 14–31.

Статья поступила в редакцию 12 ноября 2017 г.;
 рекомендована в печать 22 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Дудина Виктория Ивановна — канд. социол. наук, доц.; viktoria_dudina@mail.ru

Epistemic reflexivity in sociology

Victoria Dudina

St. Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Dudina V. I. Epistemic reflexivity in sociology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, vol. 11, issue 2, pp. 146–159. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.201>

The article considers epistemic reflexivity as a specific intellectual tendency and the requirement of the methodology of scientific knowledge in the social sciences. The epistemic reflexivity as a requirement of research methodology is associated with the rejection of the classical concept of science with its opposition between the subject and the object of cognition. Three stages in the development of ideas about reflexivity in scientific knowledge are identified: pre-reflexive, reflexive, and «reflexive scientization». The specifics of epistemic reflexivity in sociological cognition and such forms of research reflexivity as «autobiographical reflexivity», «hermeneutic narcissism» and «denial of authorship» are considered. The necessity of reflex-

ivity, which does not reduce to individual reflection, but takes into account social cognition as a whole, is being argued. The following forms of sociological reflexivity are considered: «*objectification of the objectifying subject*» by P. Bourdieu; standpoint reflexivity; phenomenological reflexivity; reflexive sociology of A. Gouldner; radical reflexivity. It is concluded that radical reflexivity is fundamentally different as an instrument that makes it possible to identify the performative function of social cognition in the context of «*reflexive scientization*».

Keywords: epistemic reflexivity, reflection, reflexive sociology, reflexive scientization, objectification of the objectifying subject, radical reflexivity.

References

1. Therborn G. At the birth of second century sociology: times of reflexivity, spaces of identity, and nodes of knowledge. *British Journal of Sociology*, 2000, vol. 51, no. 1, p. 37–57.
2. Iudin G. B. Refleksivnaia sotsiologija mezhdru deistvitel'nost'iu i nedeistvitel'nost'iu [Reflective sociology between reality and irreality]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2009, no. 3, pp. 96–117. (In Russian)
3. Davydov Iu. N. *Istoriia teoreticheskoi sotsiologii v 5 t. T. 1. Ot Platona do Kanta. Predystoriia sotsiologii i pervye programmy nauki ob obshchestve* [The history of theoretical sociology, in 5 vols. Vol. 1. From Plato to Kant. Prehistory of sociology and the first programs of the science of society]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 496 p. (In Russian)
4. Nightingale D., Cromby J. (eds) *Social constructionist psychology*. Buckingham, Open University Press. 1999. 236 p.
5. Kinsella E. A., Whiteford G. E. Knowledge generation and utilisation in occupational therapy: Towards epistemic reflexivity. *Australian Occupational Therapy Journal*, 2009, vol. 56 (4), pp. 249–258.
6. Ryan T. G. *The reflexive classroom manager*. Calgary, Temeron Books, Detselig, 2005. 240 p.
7. Knafo S. Bourdieu and the dead end of reflexivity: On the impossible task of locating the subject. *Review of International Studies*, 2016, vol. 42(1), pp. 25–47.
8. Foerster H. von. Cybernetics of cybernetics. *Communication and control in society*, ed. K. Krippendorff. New York, Gordon and Breach, 1979, pp. 5–8.
9. Umpleby S. A. The Science of Cybernetics and the Cybernetics of Science. *Cybernetics and Systems*, 1990, vol. 21 (1), pp. 109–121.
10. Maturana H., Varela F. *The Tree of Knowledge*. Boston, New Science Library, 1987. 231 p.
11. Luman N. *Obshchestvo obshchestva. Samoopisaniia* [Society of society. Self-Descriptions]. Moscow, Logos Publ., Gnosis Publ., 2009. 320 p. (In Russian)
12. Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive modernization*. Cambridge, Polity Press, 1994. 234 p.
13. Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. Towards a new modernity]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000. 384 p. (In Russian)
14. Lash S. *Another Modernity. A Different Rationality*. Oxford, Backwell Pub, 1999. 400 p.
15. Lo D. *Posle metoda: besporiadok i sotsial'naiia nauka* [After method: mess in social science research]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2015. 352 p. (In Russian)
16. Lynch M. Against reflexivity as an academic virtue and source of privileged knowledge. *Theory, culture and society*, 2000, vol. 17 (3), pp. 26–54.
17. Sandelowski M., Barroso J. Finding the findings in qualitative studies. *Journal of Nursing Scholarship*, 2002, vol. 34 (3), pp. 213–219.
18. Maton K. Pierre Bourdieu and the Epistemic Conditions of Social Scientific Knowledge. *Space & Culture*, 2003, vol. 6 (1), pp. 52–65.
19. Bourdieu P., Wacquant L. *Invitation to reflexive sociology*. Cambridge, Polity Press, 1992. 336 p.
20. Bourdieu P. Opyt refleksivnoi sotsiologii [Experience of Reflexive Sociology]. *Teoreticheskaiia sotsiologija: Antologija* [Theoretical sociology. Anthology], pt. 2, ed. S. P. Ban'kovskaia. Moscow, Knizhnyj dom «Universitet», 2002, pp. 373–429. (In Russian)
21. Bourdieu P. Vkluchennaia ob'ektivatsiia [Included objectification]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2011, no. 2, pp. 21–38. (In Russian)
22. Bourdieu P. Za ratsionalisticheskii istorizm [For rationalistic historicism]. *Socio-Logos postmodernizma* [Socio-Logos of postmodernism]. S/L97. Moscow, 1996, pp. 9–29. (In Russian)
23. Adorno T. K logike sotsial'nykh nauk [On the Logic of Social Sciences]. *Voprosy filosofii*, 1992, no. 10, pp. 76–86. (In Russian)

24. Gouldner A. *Nastupaiushchii krizis zapadnoi sotsiologii* [*The coming crisis of Western sociology*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 576 p. (In Russian)
25. Schütz A. Formirovanie poniatii i teorii v obshchestvennykh naukakh [Formation of the concept and theory in the social sciences]. *Amerikanskaia sotsiologicheskaia mysl': Teksty* [*American sociological thought: Texts*], ed. V.I. Dobren'kov. Moscow, Izd-vo MGU, 1994, pp. 481–496. (In Russian)
26. Woolgar S. (ed.) *Knowledge and reflexivity*. London, Sage, 1988. 224 p.
27. Woolgar S., Ashmore M. The next step: An introduction to the reflexive project. Woolgar S. (ed.). *Knowledge and reflexivity*. London, Sage, 1988, pp. 1–11.
28. Latour B. Politika ob"iasneniia: al'ternativa [The politics of explanation: an alternative]. *Sotsiologiia vlasti*, 2012, no. 8, pp. 113–143. (In Russian)
29. Latour B. Pochemu vydokhlas' kritika. Ot realii fakticheskikh k realiam diskussionnym [Why the criticism was exhausted. From factual realities of debatable realities]. *Moskovskii khudozhestvennyi zhurnal*, 2015, no. 93, pp. 14–31. (In Russian)

Author's information:

Victoria I. Dudina — PhD (Sociology), Associate Professor; viktoria_dudina@mail.ru